

Петр ШМАКОВ

Она медленно шла больничным коридором. Помыто от усталости плечи и поясницу. День выдался на редкость трудным. Две операции родили и обе тяжелые.

Каменцева толкнула дверь и вышла на крыльцо. Свежий зимний воздух илгисто заколол грудь, закружил голову. Поставила минуту, щурясь от яркого света, привыкая к свежести, и стала спускаться по ступенькам.

— И вы отработались, Евдокия Федоровна. — послышался за спиной знакомый голос. — Мне положительно повезло. Опять мы встречаемся после работы.

Виктор Васильевич Молотов, окулист, подошел к Каменцевой, осторожно взял ее за локоть, и они вместе сошли с крыльца. Молотов был чуть выше ее ростом, широкоплечий, в темном пальто с серым каракулевым воротом и в огромной меховой шапке.

Евдокия Федоровна взглянула на его удлинненное лицо с

голубыми, чистыми глазами, заметила две глубокие морщины на широком лбу и подумала: сколько же ему лет? И тут же себя укорила: какое мне дело?

Сколько есть, все его. Они прошли больничной огородами и очутились на простор-

— А вы дайте согласие. Не пожадаете. Я ручаюсь.

— Может, вы меня в соучастники на грабеж решили взять?

— Ну-ну, что вы, Евдокия Федоровна! — нарочито сердясь, воскликнул Молотов. —

БАГУЛЬНИК

РАССКАЗ

ной, без снега, асфальтированной дороге. Молотов, все так же осторожно придерживая Каменцеву за локоть, мягко заговорил:

— Евдокия Федоровна, я хочу вам предложить одно мероприятие, но заранее прошу вас его принять.

— Соглашаться, не зная на что? Странно довольно-таки. Виктор Васильевич. Вам не кажется? — Каменцева снизу вверх посмотрела на своего спутника, и глаза ее сузились от лукавой улыбки. Молотов посылнее сжал ее руку, засмеялся, ответил:

Разве я похож на грабителя? Да я в жизни комара не обидел.

— Ну, может, комара и не обидели.

— Вы явно не в духе сегодня, Евдокия Федоровна.

— Хорошо, хорошо. Верю. Выкладывайте свое мероприятие. Надеюсь, не по профсоюзной линии?

— От себя лично. Мы идем с вами в кино. Билеты заказаны. Фильм прелюбопытнейший. Он того стоит, чтобы его посетить. К тому же, завтра выходной. Вадите, сколько фактов в нашу пользу?

— Что ж, один ноль в вашу пользу. Значит, билеты заказаны? Значит, вам положительно повезло? Встретилась я вам случайно?

— Сдаюсь, Евдокия Федоровна, сдаюсь. Здесь вы победитель, Итак?

— В принципе я не возражаю, Виктор Васильевич. Устала я сегодня... Давненько не была в кино...

Из кинотеатра они вышли почти последними. Евдокия Федоровна сняла перчатку, протянула Молотову руку:

— Спасибо, Виктор Васильевич. Фильм действительно был неплохой. До свидания...

— Я провожу вас...

— Не надо, спасибо.

Каменцева, не торопясь, пошла к дому. Освещенные улицы казались призрачными, незнакомыми. Будто она впервые очутилась в этих краях. Удивилась, почему улицы кажутся новыми. И поняла почему. Редко бывает ночью на улице. А если дежурство и выпадает во вторую смену, то торопится домой, не замечая ни этого

света уличных фонарей, ни этих тополей, покрытых серебристым илгеем, ни таинственно освещенных окон, чужих домов. В душе даже шевельнулась благодарность, что пригласил ее в кино, что она увидела ночную улицу в этом призрачном свете.

Дома, как всегда, мать не спала, ожидая ее. Ужин она подогрела несколько раз. К поздним приходом она привыкла. На работе дочь задерживалась часто. Но она всегда предупреждала ее по телефону о том. А сегодня, вить, закрутилась, забыла. Выбрала же себе должность... Ни дня, ни ночи покоя. На износ работает. Без мужа может остаться с этой работой...

Проснувшись Евдокия Федоровна поздно. Часы показывали половину десятого. Шторы на окнах задернуты, но в комнате светло. И стояла удивительная тишина, подерниваемая мягкими ударами маятника настенных часов.

(Окончание следует.)

// Заветы Ленина, 1976, 22 мая, с. 4.